

ГИТАРА ИЗ СОРОК ПЕРВОГО

Гитаре над Бугом не спится,
Как ласково пение струн!
Восток багровеет зарницей,
Воскресное утро, июнь.
Украшен гриф шёлковым бантом,
Ремень жёлтой кожи потёрт.
Как бережно руки сержанта
Берут за аккордом аккорд!
В далёкой рязанской сторонке,
Где липы так пышно цветут,
Во сне пусть услышит девчонка,
О чём его струны поют.
Но вот уж рокочут моторы,
С треноги глядит пулемёт —
И режут колючку сапёры,
Готова для танков проход.
И скоро в снарядной воронке,
Обмотанный грязным бинтом,
Он имя той славной девчонки
Шепнёт окровавленным ртом.
С собой его смерть повенчала
В одной из жестоких атак.
Так жалобно вскрикнет гитара,
Попавши под танковый трак.

НА ПОСЛЕДНЕМ РУБЕЖЕ

Когда тебе всего лишь двадцать,
Когда в живых уж нет друзей,
Когда так нелегко подняться
Со дна раздавленных траншей,
Когда в лицо смертельным ветром
Разрыв бросает ком травы,
Когда лишь сотня километров
Немецким танкам до Москвы,
Когда последнюю гранату
Зажмёшь в немеющий кулак,
Знай, что наступит сорок пятый,
Знай, что повержен будет враг.
Когда ты упадёшь убитый
Вне власти времени уже,
Знай, ты поднимешься в граните
На том последнем рубеже.

ЗАПИСКА ИЗ СОЛДАТСКОГО МЕДАЛЬОНА

Над серым утренним болотом
Так низко облака скользят.
Ствол раскалённый пулемёта
Шипит от капелек дождя.
В дождливой серой паутине
На сто шагов вперёд – ни зги!
Шинель и каска в рыжей глине,
В болотной жиже сапоги.
Ракета вновь след дымный чертит:
Сейчас поднимутся опять.
А в восемнадцать лет, поверьте,
Так не хотелось умирать!
Родным, письма напрасно ждавшим,
Придёт по почте полевой
Три слова: «Без вести пропавший»
О тех, кто рядом был со мной.
Рука со спуском пулемёта
В одно единое слилась.
В броске немецкая пехота
Легла и снова поднялась.

Шинели чёрные так близко!
Прицел вмещает их по грудь!
Мою последнюю записку
Прошу: найдите кто-нибудь!

ПОСЛЕ БОЯ

Не нарушив мне сна непробудного,
Кто-то выгащит мятый кисет.
Из кармана достанет нагрудного
Кровью залитый милый портрет.
Усмехнётся улыбкой ленивою,
Бросит снимок небрежной рукой.
«Ишь, какая бабёнка красивая!
Видно, парень везучий такой!»

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

В утренних лугах туман, растаяв,
Лёг росой на спящие кусты.
Три пятнадцать. Курит Серкинбаев,
Мой наводчик из Алма-Аты.
Тишину рассветную нарушив,
По изгибам вражеских траншей
Залпами ударили «катюши»
И калибр тяжёлых батарей.
Полчаса гремело, не смолкая,
Упреждали вражеский налёт.
Щёлки глаз сощурил Серкинбаев,
Растянув в улыбке тонкий рот.
«Гутен морген», – пожелали фрицам, –
Долго не опомнятся небось.»
Лязгнули скрежеса гусеницы.
«По местам, ребята! Началось!»
Выросли разрывы чёрной ёлкой,
Танковых моторов ближе звук.
И ромашки, сбитые осколком,
Белым всё усыпали вокруг.
«Тигры из разрывов выползая,
От позиций наших так близки!

И приник к прицелу Серкинбаев,
Бешено крутя маховики.
Связи нет. Радист пропал бесследно.
Справа скрежет гусениц плывёт.
Там, мотором фыркая победно,
«Тигр» соседний раздавил расчёт.
Краска, шелухою оползая,
Сыпет с орудийного щита.
И лежит комочком Серкинбаев,
А пилотка кровью залита.
Мы домой вернуться не сумели:
Ведь в бою себя не берегли.
Наши мамы рано поседели...
Только «тигры» дальше не прошли.

БОЛЬ КАТЫНИ

Вскрыли землю весной воды талые.
Под сосновым смолистым стволом
Вдруг увидел я пуговку малую
С одноглавым зелёным орлом.

В соснах виснет туман белой ватой,
Глина бурым пятном на снегу.
Ты откуда взялась здесь, под Катынью,
На днепровском крутом берегу?

Залп винтовок, ударивший звучно,
Шаг последний к зловещему рву.
Дёрнул ворот мундира поручик,
Уронивши тебя на траву...

И не памяти вам, и не славы.
Чуть прикрытые глиной чужой,
Вдалеке от любимой Варшавы
Обрели вы свой вечный покой.

Среди сосен могилы, могилы...
На траву эту страшно ступить.
Видно, крови своей не хватило,
Что чужую решили пролить.

Справа высится крест католический,
Слева крест православный стоит.
Помолитесь Небесной Владычице:
Хоть она пусть всех нас примирит.

КАТЮША

Ползёт букашка по погону,
А каску солнышко печёт.
Мы «загораем» в обороне —
Стрелковой роты третий взвод.
Затишье — месяц. Редкий случай:
На фронте всё без перемен.
К нам через мины и «колючку»
Ползёт мотив «Лили Марлен».
Чужая фрау хриповата
Твердит: «Солдата буду ждать...»
Видать, и немцам плоховато
Без баб три года воевать.
И так мотив тревожил душу,
Что крикнул взводный с матерком:
«А ну, боец, давай «Катюшу»,
Да непременно с огоньком!»
Взял гармонист ремень на плечи,
Гармошка враз отозвалась.
Со дна траншей «Лили» навстречу
«Катюша» наша поднялась.
Бой рукопашно-музыкальный
Пусть в сводки фронта не войдёт —
Сошлись две песни на нейтральной,
Заспорив насмерть, чья возьмёт.
Мотив летит над минным полем,
Победно в воздухе кружась.
И взводный очень был доволен,
Что песня, в целом, удалась.
Фокстрот немецкий смолк в унынье,
Шипит с досадой патефон.
Ну, «гансы», ждите нас в Берлине:
Пехоту, Катю и гармонь!